

**Александр Эрвинович
Айвазов** – независимый аналитик

Может ли либеральное правительство вывести Россию из кризиса?

Российское правительство внесло в Госдуму скорректированный бюджет на 2015 год с учетом углубления кризиса, падения нефтяных цен и западных санкций, так как по расчетам Минфина доходная часть бюджета недосчитается в этом году порядка 3,5–4 триллионов рублей. Исходя из этого, правительство РФ предлагает сократить некоторые статьи бюджета, заморозить начало строительства новых крупных инфраструктурных и других объектов, не повышать зарплаты бюджетникам, не выплачивать пенсии работающим пенсионерам с уровнем ежегодных доходов более чем в 1 миллион рублей и т.д. Возникает вопрос: принесут ли эти действия правительства РФ ожидаемый эффект и какие возможны иные действия в данной экономической ситуации? Экономическая теория говорит нам, что в условиях падения доходов государственного бюджета из данной ситуации возможны четыре основных выхода.

Во-первых, пропорциональный секвестр расходной части госбюджета, или, проще говоря, сокращение запланированных расходов бюджета, чтобы сбалансировать расходные части бюджета с уровнем снижающихся доходов.

Во-вторых, эмиссия государственных облигаций и привлечение необходимых для погашения бюджетного дефицита средств как с внутренних, так и с мировых финансовых рынков, то есть заимствования у банков и глобальных финансовых спекулянтов.

В-третьих, увеличение налогов для пополнения доходной части бюджета с целью сбалансирования ее с расходной частью.

В-четвертых, эмиссия денег, то есть использование печатного станка для покрытия бюджетного дефицита.

Рассмотрим плюсы и минусы каждой из этих мер и то, как их интерпретируют главные течения мировой экономической мысли — либеральный мейнстрим и этатистское кейнсианство. Только предварительно

необходимо сделать небольшое уточнение: либеральный мейнстрим утверждает, что либерализм и рыночные отношения — это тождественные понятия, что абсолютно противоречит всей мировой экономической истории. Кейнсианство, как и до него меркантилизм, — это такие же рыночные модели экономического развития, как и либерализм, отличающиеся только одним — ролью государства в экономике: или «защитник, регулятор и контролер» — или «ночной сторож».

Сокращение расходов

В подтверждение этой меры со стороны либерального мейнстрима мы услышим массу пошлых банальностей, состоящих из не к месту употребленных поговорок (типа «по одежке нужно протягивать ножки») и увещаний (вроде «в долг жить нехорошо, надо затянуть пояса»). И особенно часто либералы любят повторять, что в условиях кризиса необходимо в первую очередь сокращать расходы на социальные нужды — ликвидировать «совковый собес». Но действительно ли государство должно тратить меньше или же государственные расходы должны быть максимально эффективными и уменьшающими источники коррупции и казнокрадства? А расходы на оборону и социальные статьи — это бюджетный балласт или дополнительный стимул для общественного развития и роста ВВП?

И вот тут либералы и кейнсианцы (так в дальнейшем будем именовать государственныхников) приходят к прямо противоположным выводам. Бог для либералов — это рынок, а государство — лишь один из инструментов, его обслуживающих. Их девиз: «Laissez faire, laissez passer», — что в вольном переводе означает: предоставь

свободу действовать, а «невидимая рука рынка» всё расставит по своим местам. Если оптимальная политика требует оставить рынок в покое, чтобы «невидимая рука рынка» всё расставила по своим местам, то государство воспринимается скорее как враг, которого надо всемерно ограничивать. Его подозревают в самых коварных и жутких замыслах, а любая его активность воспринимается в штыки. Поэтому основной набор инструментов в условиях дефицита госбюджета, которые рекомендует МВФ — главный проводник неолиберальной политики «вашингтонского консенсуса», — это сокращение госрасходов, и в первую очередь на социальные нужды. Пример Греции тут перед глазами.

Для кейнсианцев же всё наоборот: именно государство призвано регулировать рынок, дабы обезопасить его от обвалных экономических кризисов, и только с помощью государства можно более равномерно распределять созданный общественный прибавочный продукт. Поэтому

кейнсианцы предлагают повышать налоги на богатых и перераспределять значительную долю общественного продукта через госбюджет в пользу малоимущих слоев населения, чтобы повысить платежеспособный спрос населения. Расходы же не оборону, осуществляемые за счет госбюджета, всегда выступали эффективной мерой по преодолению кризиса. Из «Великой депрессии» вышли с помощью Второй мировой войны, и даже такой отъявленный неолиберал, как Рейган, выходил из кризиса 1970–1980-х годов с помощью политики «военного кейнсианства» (программы СОИ, или «Звездных войн»), то есть путем увеличения военных расходов и роста дефицита госбюджета. Поэтому и программа перевооружения российской армии, против которой жестко возражают либералы, — это очень эффективная мера для преодоления кризиса нашей экономики.

С одной стороны, экономия госрасходов и повышение их эффективности, объективно говоря, это положительный

процесс. В условиях подъема экономики госрасходы растут не всегда оправданно высокими темпами, а в экономике накапливается «излишний жирок», который мешает дальнейшему росту и порождает благоприятную среду для коррупции. И тут мы находим множество примеров из собственной практики, когда в условиях нефтяного благополучия финансировались проекты, крупные и не очень, по которым контролирующие органы и Счетная палата выявляли многочисленные случаи откровенного казнокрадства или прикрытых фигурным листком рыночных отношений скрытых форм воровства. Например, финансовые средства, выделенные государством под конкретные проекты, на длительные периоды времени замораживались на депозитах частных банков, а вполне конкретные должностные лица, ответственные за реализацию этих проектов, получали «дивиденды» от этих «вложений». Другие же бюджетные финансовые средства просто бесследно исчезали, будучи вывезенными за рубеж.

С другой стороны, сокращение таких расходов, как пенсии, стипендии, зарплаты бюджетников, расходов на образование, науку, здравоохранение и т.п., приводит к сжатию платежеспособного спроса населения страны. И как следствие — к углублению кризиса, что мы и наблюдаем в настоящее время в России, когда рост номинальных доходов населения не успевает за реальной инфляцией. Падение реальных доходов населения, по данным Сергея Египцянца, привело к плачевным результатам: «Обвал реальных доходов привел к падению и в расходах — особенно пострадала еда (почти —20 процентов в год). Впрочем, еще круче просели автомобили — чего и сле-

довало ожидать: в январе —24 процента в год (реально —38 процентов — просто массу декабрьских ажиотажных покупок учли только в начале нового года), в феврале —38 процентов — причем люксовые марки даже выросли, ВАЗ просел слабее среднего (—23 процента), а хуже всего обычным евробрендам. Пала и ипотека, а еще круче валится потребительский кредит».

Это падение признает и Минэкономразвития, которое прогнозирует падение российского ВВП в 2015 году на 3,2 процента. Правда, оно же «обещает» рост экономики в 2016—2018 годах на 2,5—3 процента, хотя абсолютно непонятно, откуда может взяться этот рост при сжимающихся бюджетных расходах. Ведь сокращение бюджетных расходов в текущем году неизбежно приведет к сжатию платежеспособного спроса населения, которое в свою очередь также неизбежно приведет к сокращению инвестиций в экономику и сжатию производства. Ни один предприниматель (если он в здравом уме) не будет работать на склад в надежде, что когда-нибудь в обозримом (или не очень) будущем эти складские запасы будут востребованы. Поэтому российская экономика попала в сжимающуюся спираль депрессии, из которой, как показывает мировой опыт, можно выйти исключительно с помощью резкого наращивания, но никак не сокращения бюджетных расходов. И когда министр финансов Антон Силуанов призывает не индексировать зарплаты бюджетников в соответствие с инфляцией, то с одной стороны, он демонстрирует свою крайнюю экономическую безграмотность, а с другой — призывает к снижению ВВП и углублению кризиса.

Замораживание же или перенос на более поздние сроки

финансирования инфраструктурных объектов за счет госбюджета, что предлагает правительство, также неизбежно приведет к сокращению ВВП и углублению кризиса. Ярким подтверждением этого может служить кризис 2008–2009 годов, когда, памятуя о негативном опыте дефолта 1998 года (когда рухнули многие российские банки), в первую очередь бросились спасать банковскую систему и получили самый глубокий обвал экономики в 20 крупнейших государствах мира. А в Китае в 2008 году, когда экспорт уменьшился наполовину, начали ускоренно реализовывать инфраструктурные проекты (к примеру, планы строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, рассчитанные до 2020 года, решили полностью реализовать уже к 2012 году), а также стимулировать рост внутреннего потребления за счет государственного субсидирования покупок для населения страны. В результате в России падение ВВП составило —8 процентов, а в Китае темпы роста только чуть снизились — с +11 до +9 процентов в год.

Из сказанного выше можно сделать вполне определенный вывод: сокращение государственных расходов неизбежно приведет не к преодолению кризиса, как это утверждают либералы, а к его обострению и углублению. Весь исторический опыт убедительно показывает, что в условиях кризиса необходимо не сокращать, а резко наращивать государственные расходы, так как частный бизнес в подобные периоды переходит к выжидательной политике и перестает вкладывать в развитие производства, избегая неоправданного риска. Поэтому государство призвано замещать выпадающие частные инвестиции, дабы не усиливать

кризисные явления. В то же время кризисный рост безработицы неизбежно приводит к сжатию платежеспособного спроса населения, и государство просто обязано не сокращать, а увеличивать зарплаты бюджетникам, пенсии и пособия, для того чтобы стимулировать рост, а не сокращение потребительского спроса в стране.

Внутренние и внешние заимствования

Эта мера изначально антиинфляционная, ибо она связывает некую часть денежной массы, на которую банки покупают облигации. Есть, однако, вещь, которая будет иметь место при любом развитии событий — это наращивание госдолга. Представьте себе, что вы выпустили на 100 миллиардов рублей годовые облигации с доходностью 10 процентов. Это означает, что в следующем году вам придется изыскать на их погашение те же самые 100 миллиардов рублей да плюс еще 10 процентов от этой суммы, то есть 10 миллиардов. В результате, найдя

сегодня 100 миллиардов на дополнительные расходы, вы в будущем году будете вынуждены снова искать — но уже 110 миллиардов рублей. И даже если облигации более «длинные» по срокам обращения, всё равно в течение многих лет вам придется изыскивать массу дополнительных денег на их выкуп и погашение процентных платежей. Можно, конечно, для расчета по старым облигациям выпускать всё новые и новые, наращивая свой долг. Но чем это кончается, мы хорошо помним по событиям 17 августа 1998 года. В целом мера плоха и применима только в экстренных случаях, причем только разово, а ни в коем случае не систематически.

Между тем в этой мере очень заинтересованы транснациональные банки, которые таким образом подсаживают государство на долговую «иглу» и начинают их «доить», лишая всякой перспективы развития их экономики. Чем больше государства влезают в долги, тем больше они оказываются должны и тем меньше вероятность выхода из этой долго-

вой кабалы. Недавний опыт Греции, а до этого Аргентины и других стран убедительно показывает, что даже списание части долга приводит к еще большему росту долговой зависимости попавших в нее стран. И всё большую часть государственного бюджета должникам приходится тратить не на развитие своей страны, а на выплату самого долга и процентов по нему. И слава богу, что Россия имеет минимальный государственный долг, а западные санкции лишают ее возможности свободно кредитоваться на западных финансовых рынках, что не позволяет подсесть на долговую «иглу».

Но при этом огромную задолженность перед западными кредиторами имеют российские банки и корпорации, и в первую очередь государственные. Либералы из экономического блока правительства и Банка России, проводя политику *currency board* (валютного управления) и создавая искусственную нехватку денег в стране, просто вынуждают российские банки и корпорации попадать в долговую зави-

симость от глобальных финансовых институтов. Уровень монетизации в РФ менее 50 процентов ВВП, что явно недостаточно для такой большой и разноплановой экономики, как российская, в то время как в Китае уровень монетизации почти 200 процентов ВВП, то есть более чем в 4 раза превосходит российский. Денег в стране должно быть не столько, сколько приходит в страну валюты, а столько, сколько необходимо для нормального функционирования ее экономики, — в этом заключается еще одно принципиальное отличие кейнсианской модели от либеральной.

Когда Гайдар и его команда снизили уровень монетизации в 1990-х годах до 12,5 процента ВВП, то пышным цветом расцвели неплатежи, разнообразный бартер, всякие денежные суррогаты и т.д. И в конечном итоге мы получили дефолт 1998 года. Это был достойный результат безграмотной либеральной финансовой политики команды Гайдара. В 2000-х годах уже Кудрин и его команда, расплатившись с

государственными долгами благодаря росту нефтяных цен, посадили на долговую «иглу» частные и государственные банки, а также корпорации, создавая постоянно искусственный дефицит денег в стране. И сейчас, проводя ту же самую политику *currency board*, либеральные финансисты из Банка России целенаправленно загоняют наши корпорации и банки в долговую кабалу. А в условиях западных санкций, когда для нас оказались закрытыми западные кредитные рынки, продолжение политики *currency board* — это как удушающий прием в борьбе, как принуждение России к сдаче своих политических позиций на милость западных «победителей». Таким образом, и эта чисто либеральная мера не приведет к сбалансированности бюджета.

Увеличение налогов

Введение новых налогов (или увеличение ставок уже существующих сборов) предполагает, что это принесет казне дополнительные необходимые поступления в бюджет, в ре-

зультате чего бюджет будет снова сбалансирован. Рост ставок косвенных налогов (НДС, акцизов и т.д.) может иметь разные последствия в зависимости от того, какими они были на момент их изменения и какой была экономика в целом. В определенных случаях он может спровоцировать инфляцию и спад экономической активности, в других — только замедление денежного обращения и сокращение спекулятивных операций на финансовых рынках. В любом случае рецептов на все случаи жизни дать невозможно, поэтому при определенных условиях (быстро растущая экономика, высокие доходы людей и т.д.) эта мера возможна.

Другое дело, что очень трудно изменять налоги каждый раз, когда потребовались деньги, — всё же надо стараться поддерживать налоговую систему более или менее стабильной. Так что лучше воздерживаться от этой меры и применять ее только в том случае, если более приемлемые действия невозможны. Прекрасный пример неэффективности повышения налогов на малый бизнес дало повышение ставок социальных отчислений. Это как раз тот случай, когда применимо высказывание Ленина о том, что «нечто формально правильное» может оказаться «по сути издевательством». В результате этого «формально правильного» «издеательства» малый бизнес стал массово закрываться или уходить в тень. Подобное увеличение налогов, как правило, приводит к обратному результату, и тут либералы и кейнсианцы едины в своих подходах.

Но есть одна форма повышения налогов, по отношению к которой либералы и кейнсианцы занимают диаметрально противоположные позиции. Это повышение налогов на

богатых. Либералы утверждают, что увеличивать налоги на богатых ни в коем случае нельзя, так как это приведет к снижению накопления и в конечном итоге к кризису, так как богатые занимаются инвестированием в развитие экономики, за счет чего она и растет. Но так ли это на самом деле? История мировой экономики убедительно показывает, что всё ровно наоборот. Реально происходит процесс прямо противоположный утверждениям либералов, так как большая часть накоплений у богатых идет не на инвестирование и развитие, а на паразитическое потребление и надувание пузырей на финансовых рынках, за которыми следует неизбежный обвал этих самых финансовых рынков.

Обратимся к статистике превышения доходов очень богатых (1 процента населения США) и сверхбогатых (0,01 процента) доходов среднего американца за последние 100 лет. Эта статистика убедительно показывает, что чрезмерный рост накоплений у богатых приводит не к росту экономики, а к ее неизбежному обвалу. Когда доходы 1 процента очень богатых американцев превысили средние доходы остального населения США в 20 раз, а доходы 0,01 процента сверхбогатых — в 325 раз, последовал обвал фондовых рынков 1929 года и «Великая депрессия». То же самое произошло и в 2008 году, когда доходы 0,01 процента сверхбогатых превысили доходы среднего американца аж в 350 раз, а доходы 1 процента богатых — в 18 раз. Тогда последовал обвал рынков и кризис 2008–2009 годов и длительная рецессия с новой волной кризиса в текущем году. Однако такой уровень неравенства был не всегда. Так, в 1940–1980-х годах этот уровень был в разы ниже, а мини-

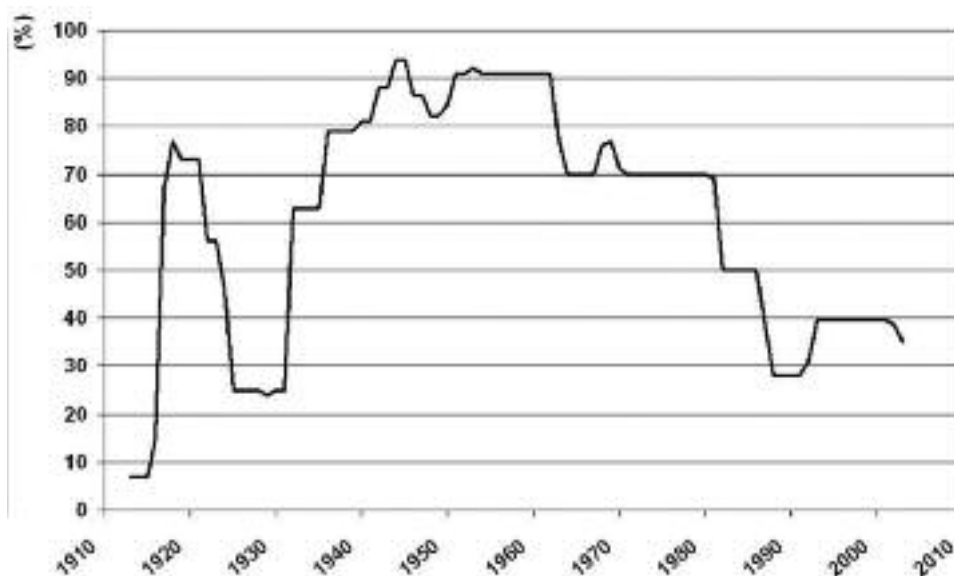
Кратности превышения доходов богатых американцев над среднедушевыми доходами

мум был достигнут в 1970-е годы, когда доходы 1 процента богатых превышали среднедушевой доход всего в 8 раз (конец 1920-х годов — в 20 раз), а доходы 0,01 процента сверхбогатых — в 50 раз (в 2008 году — в 350 раз). Причем на пике этой минимизации неравенства американская экономика переживала свой «золотой век» развития — такого уровня, как в эти годы, она никогда не достигала ни раньше, ни позже. А ларчик просто открывался — этот исторический период проходил в условиях господства кейнсианской модели экономического развития, когда уровень налогообложения богатых достигал своего максимума — 90 процентов.

Если оценить, как за те же 100 лет в США менялась максимальная ставка подоходного налога, то получается следующая картина. Когда в 1920-х годах ставка была минимальной (25 процентов), накопление было максимальным и всё закончилось «черным четвергом» в октябре 1929 года и продолжилось «Великой де-

прессией». Когда же верхняя планка подоходного налога взлетела до 90 процентов (1950–1960-е годы), экономика США пережила «золотой век» своего развития. Затем под давлением либералов с 1980-х годов верхняя планка подоходного налога снова опустилась до 35 процентов, а неравенство стало стремительно расти и достигло своего максимума (в 350 раз) для 0,01 процента сверхбогатых в 2008 году. И снова это закончилось финансовым кризисом и продолжающейся вот уже почти 7 лет затяжной рецессией, выхода из которой не видно и в обозримом будущем.

Всё дело в том, что в условиях господства либеральной модели экономического развития происходит ускоренное накопление капитала, который идет не столько на развитие экономики, сколько в основном на паразитическое потребление и на надувание пузырей на финансовых рынках. В условиях же господства кейнсианской экономической модели развития сверхприбыли богатых изымаются с помо-

щью налогов и перераспределяются в пользу основной массы населения, повышая уровень ее платежеспособности и создавая мощный средний класс, формирующий массовый потребительский спрос населения и стимулирующий рост производства для его удовлетворения.

Таким образом, увеличение налогов может привести к повышению доходов бюджета и стимулированию мощного роста экономики только при условии резкого повышения налогов на богатых и снижения налогового бремени на малый и средний бизнес. В России же, к сожалению, всё наоборот: единая шкала подоходного налога в 13 процентов — как для среднего россиянина, так и для богатых и сверхбогатых представителей российского бизнеса, — а налог на дивиденды и того ниже. Поэтому наше налогообложение только стимулирует рост неравенства, которое превосходит все разумные пределы, порождая условия для углубления кризиса. И пока не будет введена прогрессивная система налогообложения, а верхняя шкала НДФЛ не достигнет уровня хотя бы 70 процентов, выход из кризиса останется невозможным, зато вывоз

капитала будет лишь усиливаться.

Эмиссия денег

Стоит только заикнуться в присутствии либеральных экономистов об этой мере, тут же услышишь: «Какой кошмар! Это ж до какой степени дикости надо дойти, чтобы додуматься до такого! Напечатать деньги без всякого их покрытия! Какое варварство! Гиперинфляция обеспечена, а за ней последуют...» — дальше идет длинный список умных слов, которые призваны показать вам весь ужас ожидающей вас участи. Именно этими фразами пугают президента Путина Кудрин и его либеральная команда, но именно эта мера лишена недостатков всех предыдущих. Эмиссия денег не наносит дефляционного удара по экономике, не заставляет менять налоги, словно перчатки, не погружает государство в глубокую долговую яму. Единственный ее минус — это инфляционный налог на всё общество.

Хотя тем или иным образом обременяет общество и любая из остальных мер (да и как иначе — чтобы вмиг найти лишние деньги, требуется пойти на какие-то жертвы), но такой инфляционный налог

более справедлив, ибо равномерен и не приводит к еще большему относительному обеднению и без того бедных — кстати, вопреки стенаниям монетаристов. Причем интересно, что «приведение курса рубля к рыночному» — а проще говоря, обвал рубля, в результате чего инфляция подсакивает до 20 процентов, — это с точки зрения либералов «правильное рыночное действие», а вот эмиссия денег для покрытия дефицита госбюджета — нерыночный, варварский поступок. Где здесь логика — понять трудно, но либералы и логика — вещи несовместимые, либерализм — это «опиум для народа»: «Верую, ибо абсурдно».

К тому же размер этого инфляционного налога не так велик, как пугают либералы. Если, к примеру, федеральный бюджет равен 100 миллиардам, то ВВП должен быть порядка 500 миллиардов (обычно бюджет центрального правительства в крупных федеративных государствах составляет примерно 20 процентов ВВП). Уровень монетизации ВВП (то есть отношение денежной массы к ВВП) в России менее 50 процентов, то есть денежная масса составит примерно половину ВВП, или 250 миллиардов. Стало быть, дополнительные 20 миллиардов (при дефиците в 20 процентов) увеличат ее всего на 8 процентов, что по канонам монетаризма при прочих равных условиях вызовет инфляцию примерно на те же 8 процентов. Но это в соответствии с либеральной догматикой. Когда же, как сейчас в российской экономике, уровень загрузки мощностей составляет 60–70 процентов, есть небольшая официальная и большая скрытая безработица, то есть существует реальная возможность быстрого наращивания производства товарной массы и услуг населению, тогда не

будет вообще никакой инфляции или она окажется минимальной.

Это знал еще легендарный гусяр Садко. Царь морской одарил его бесконечным количеством денег, и он попытался скупить все товары на рынке. Но как только он их скупил, подросли со своими товарами купцы московские, а потом, полностью опровергая либеральную догматику, приплыли и купцы заморские. Имеются и свежие российские примеры. Так, когда либералы своей безграмотной политикой загнали в 1990-х годах нашу экономику в дефолт 1998 года, а кредит МВФ в 4,5 миллиарда долларов был попросту украден, то Евгений Примаков, Юрий Маслюков и Виктор Геращенко за счет рублевой эмиссии за полгода смогли справиться с кризисом и нормализовать российскую экономику. А вот в 2008 году, когда преодолевали кризис с помощью либеральных мер, потребовалось уже 4 года для выхода на докризисный уровень, в то время как США и Китай преодолели кризис 2008 года примерно за год за

счет «варварской» эмиссии.

Эту же политику сейчас продолжают Япония и ЕС, борющиеся с кризисом за счет «дикого» и «варварского» печатания денег. Причем инфляция в этих странах во много раз ниже, чем в проводящей политику «сжатия денежной массы» России. Наверное, нужно что-то «в консерватории подправить», как говорил известный сатирик Михаил Жванецкий, чтобы у нас не получалось без конца по принципу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Поэтому наилучшей мерой для ликвидации бюджетного дефицита и преодоления кризиса является эмиссия денег, которая у либералов вызывает припадок бешенства. В сочетании с повышением налогов на богатых, которое позволит перераспределить прибавочный продукт в интересах всего населения страны и резко увеличить платежеспособный спрос населения России, это даст возможность не только сбалансировать госбюджет, но и придать ускоренное развитие российской экономике.

Государственные инвестиции

в инфраструктурные объекты за счет мультипликативного эффекта (заказы металлургам, производителям строительных материалов и т.п., рост зарплат на всех вновь строящихся объектах и т.д.) благотворно скажутся на всей экономике страны. Рост же зарплат бюджетников, пенсий и пособий приведет к повышению платежеспособного спроса, стимулируя увеличение производства потребительских товаров и услуг мелким и средним бизнесом. И тогда вместо прогнозируемого Минэкономразвития падения на 3,2 процента ВВП может вырасти минимум на 6–8 процентов уже в этом году — если, конечно, перейти с либеральной модели экономического развития на кейнсианскую с резким повышением налогов на богатых и эмиссией рубля в необходимых масштабах. Тогда российская экономика, как «птица-тройка» (у которой «коренником» будет вступать государство, а «пристяжными», с одной стороны, крупный бизнес, а с другой — малый и средний бизнес), понесется вперед.